

**В. Г. Безрогов,
М. В. Тендрякова**
**«ДЕТСКИЙ МИР»
УШИНСКОГО
В КОНТЕКСТЕ
ГЕРМАНСКИХ
ПЕРВОИСТОЧНИКОВ¹**

УДК 37.0132
ББК 74.03(2)

Рассмотрено соотношение немецких учебников для чтения первой половины XIX века и «Детского Мира» К.Д.Ушинского. Показано активное взаимодействие Ушинского с педагогической культурой Германии и ее творческое усвоение при создании пособия для российских гимназий и уездных училищ.

Ключевые слова: К.Д.Ушинский, учебная литература, «Детский Мир», С. Людвиг

V.G. Bezrogov, M.V. Tendryakova

“THE CHILDREN’S WORLD” BY K.D. USHINSKIY IN THE CONTEXT OF GERMAN ORIGINAL SOURCES

The article analyses relation of German textbooks for reading of the first half of the XIXth century with “The Children’s World” by K.D.Ushinskiy. The author concentrates on interaction of Ushinskiy with German pedagogical culture and its creative learning in making a schoolbook for Russian gymnasiums and county specialized schools.

Key words: K.D. Ushinskiy, educational literature, “The Children’s World”, S. Ludwig.

*Как мы ни любим,
как ни уважаем немцев,
как ни много мы обязаны их литературе,
но они для нас неподражаемы в своем педантизме.*

**Свод печатных рецензий на проект
Устава средних и низших учебных заведений (1861)**

Нам сейчас, в XXI веке, сложно составить полный список немецко-язычных пособий, которыми еще до своей длительной зарубежной ко-

мандировки пользовался Константин Дмитриевич, работая над знаменитым теперь «Детским Миром» (1861). Автор просмотрел явно больше из-

¹ Работа над статьей поддержана грантом РГНФ 13-06-00149а.

даний, нежели указаны в его предисловии к первому изданию для возможного расширения преподаваемого материала (потом этот перечень как неактуальный исчез частично еще в конце 1861 г. при подготовке 3-го и полностью в 5-м издании 1864 г.). Анализ всего спектра школьных учебных книг, которые могли быть знакомы Ушинскому, не представляется пока возможным: таких изданий, вышедших в первой половине XIX века в немецкоязычном регионе (Германия, Австрия, Швейцария) и вероятно быть доступными Константину Дмитриевичу уже в Петербурге до его отъезда за границу, очень много. Не только каждая земля и княжество, но каждый город, школа, учитель подготавливали, издавали и распространяли в Европе свои учебники. Попробуем заглянуть в них в данной работе не с точки зрения конкретных пособий — реальных и несомненных источников для российского педагога, но с точки зрения той атмосферы, которую он мог почувствовать, и той структуры начальных учебных пособий, которую мог в тех или иных книгах увидеть. Для этого нам не потребуются рекомендованные Ушинским дополнительные к «Детскому Миру» немецкоязычные пособия. Педагогическую атмосферу Schullesebuch с известной степенью инвариантности можно почувствовать, перелистывая различные учебники того времени, близкие по типу к «Детскому Миру». Останемся в данной статье на одном из них.

В первой половине XIX века среди авторов учебных пособий начального уровня одним из популярных имен было имя Самюэля Людвига (Samuel

Ludwig, geb. 1759), школьного учителя в Берлине, автора, в частности, «Друга горожан, книги для чтения в городских школах». Первое издание «Городского друга» вышло в 1787 году и затем переиздавалось несколько десятилетий до 1826 года. В доступном нам, благодаря собранию Института Георга Экерта (Брауншвайг), «пятом, улучшенном издании» 1810 года имеются пометки учеников, сделанные при использовании книги в 1820 и 1824 годах [1]. Учебник носит посвящение всем «городским школьным учителям» и поделен на 13 разделов, расположенных на более чем двухстах страницах издания карманного формата (в первом издании «Детского Мира» — 562 страницы, и формат отнюдь не карманный, каковым он становится, только начиная с 6-го издания 1865 г.). Каждый раздел поделен на небольшие тексты (от страницы до полутора и даже трех с половиной — ближе к концу пособия), как не имеющие заголовков, так и имеющие их, и объединенные единой темой того или иного раздела. Тема первого раздела и нескольких, идущих вслед за ним, явно напоминает отстаивавшуюся Ушинским идею опоры начального обучения сознательному чтению на естественную историю, а в ней — на фигуру человека. Общая последовательность разделов в издании Людвига 1810 года выглядит так: сначала все, как потом у Ушинского, — «о человеке; о солнце, луне, земле, воде, воздухе и т. п.; о животных; о растениях; о минералах»; затем мы видим у немецкого педагога иной подход — шестым по счету дан раздел «о продуктах питания, одежде, жилище, утвари и ле-

карствах». Далее ситуация еще более отличается от сопоставляемого «российского варианта». Идет — впервые латинским, не готическим шрифтом — раздел «Некоторые упражнения на внимание и размышление» (такой раздел был очень популярен в книгах для чтения — немецкие педагоги полагали, что чтение дает материал для развития логики, способности к размышлениям и различного рода умозаключениям, поэтому основы науки мыслить стремились заложить с помощью чтения, обдумывания прочитанного, бесед на темы из книги для чтения; такие разделы/главки делали в своих учебниках Е. О. Гутель, П. П. Максимович; Ушинский ввел «Первые уроки логики»). От седьмого раздела и далее у Людвига небольшие текстики внутри разделов снабжены заголовками, имеют деления на группы. В данном издании таких групп три — «суждения, заключения, сравнения и различия».

Внутри первой размещены максимумы различного рода, например: «Здоровье более радостно, нежели болезнь». Внутри второй силлогизмы. Третья содержит разного рода сравнения и направления сравнений («лошадь и птица, дерево и дом, улица и сад, хороший и дурной человек» и др., очень напоминающие сравнения в учебнике Ушинского). С восьмого по одиннадцатый разделы мы видим переключение основного внимания на моральное воспитание: «полезные рассказы; библейские рассказы; добрые поучения; хорошие пословицы». Последние два раздела посвящены письменной культуре — различным документам и посланиям, которые приходится получать или писать. Наличие тематических раз-

делов (такое деление встречается не во всех аналогичных «Детскому Миру» немецких учебниках), частичное сходство их состава и последовательности при значащих различиях обусловило в итоге наш выбор именно пособия С. Людвига для параллельного изучения и сопоставления с «Детским Миром» К. Д. Ушинского.

Раздел о человеке начинается в «Городском друге» — пособии Людвига — с названия и объяснения частей тела, внутренних органов. Затем изложение через объяснение возможностей тела переходит к способностям, свойствам, качествам души и духа. Память, способность рассуждения и понимания, свобода воли и совесть занимают в обсуждении центральные позиции. Достоинства и совершенства человека следует употреблять для собственной и других людей пользы, — завершает описание человека автор; и через разговор о гармонии и связи души и тела переходит к теме здоровья, которому помогают труд и сон. Даются начальные рекомендации по поддержанию здоровья. Необходимо избегать контрастного контакта разогретого тела с холодным питьем или воздухом. «Не обильной едой и питьем... питается и укрепляется тело», и т. д. [1. S. 20]. Любый переизбыток либо недостаток (сна, еды), раздражение, боязнь, испуг, гнев, злора, несоблюдение меры, огорчение, боязнь будущего, несовместимое с чувством долга поведение, равно как и просто неосторожные поступки чреватые, поучает Людвиг, различными, часто непоправимыми болезнями. Спокойно и размеренно произносит наставник слово «смерть», приучая

детей думать о том, как ее избежать. Для этого особенно благотворна внимательность. Но если все же болезнь приключилась, то помимо обращения к врачу хорошо бы знать названия разных болезней — кои составитель пособия и сообщает ученику. Автор от первого лица (и тем привлекая ученика; этот прием потом применяют Е. О. Гугель и К. Д. Ушинский) обращается к Богу с благодарностью за свое здоровье, с просьбой, чтобы тело было здоровым и далее. Он взывает ко всем другим людям, чтобы и они заботились о своем здоровье не хуже него. Тут же вспоминается наличие разных рас и говорится об их равенстве, равно как и о том, что люди бывают разных размеров и что все бывают малыми детьми, вырастают во взрослых, старятся и умирают. Благодарностью «наилучшему отцу моему и всех людей», вовремя забирающему их с земли, заканчивается первый раздел пособия [1. S. 11—22].

Показательно, что вслед за темой о человеке идет, по сути, тема вселенной, хотя это понятие не употребляется. Человек, таким образом, показан имеющим отношение к миру в целом, а все части этого мира тем или иным образом соотносены с человеком. Раздел о Солнце, Луне, Земле и ее элементах начинается с понятия о вещи как таковой и о том, что у каждой вещи есть образ, цвет, размер и объем занимаемого ею пространства. Автор размышляет о том, как все в мире замечательно устроено — чередование времен года, географических поясов, дня и ночи. Последнее особенно важно для человеческих глаз. Описание поверхности Земли через тему гор переводит вни-

мание на воду и воздух. В разговоре о воздухе появляются первые диалоги: самый первый без заголовка, а следующую уже с отдельным заглавием — «Разговор». Для составителя важнее обозначить вид действия, нежели его тему и содержание. При описании каждой вещи или явления ему важно подчеркивать их полезность. Не бывает бесполезных феноменов — даже ветер приносит пользу. Ветру как раз и посвящен первый озаглавленный диалог (неозаглавленный разговор шел между сапожником и ткачом о пользе форточки, буквально «оконной створки» и практик проветривания рабочих и жилых помещений). «Разговор», уже названный этим емким и функциональным словом, состоялся между братьями Хансом и Фрицем перед их отходом ко сну. Обсуждению был подвержен ветер, который рассмотрен как с пугающей, так и с хорошей, как с вредной, так и с полезной стороны. Фриц убеждает Ханса, что ветер подвластен Богу и невместно человеку желать его прекращения, ибо он чаще очень и очень полезен природе и людям, а когда шторм и ураган — то мудрость решения Бога здесь выше человеческого понимания. Автор подробно перечисляет названия различных видов ветра, тумана, дождя, претворяя таким образом в связный текст словарную функцию своего пособия. Ушинский следует такой же традиции, и в статьях «Детского Мира» также приводит тематические серии слов, хотя с меньшим числом дробных конкретных терминов, синонимов, диалоговых объяснений.

Второй раздел пособия Людвиг завершает рассказом «Гроза» с историей двух ребят, один из которых уго-

варивает другого не прятаться от грозы под высоким одиноким деревом.

При переходе к третьему разделу говорится о том, что природа делится на три больших части, рассказ о которых и составит содержание разделов с третьего по пятый: царства животных, растений, минералов. Среди рассматриваемых животных обезьяна (как более всего напоминающая человека), медведь, бобер, слон, ленивец, хомяк, собака, верблюд, лошадь, северный олень, росомаха. Затем идет весьма долгое перечисление разных птиц, но не всегда с рассказом об их особенностях. О сове, например, говорится кратко и нелюбезно: «Сова днем не видит, она как вор, летает лишь вечерами и ночами» [1. С. 52]. Как и впоследствии Ушинский, Людвиг выделяет птиц перелетных, образцом которых выступает ласточка, предвестником которой служит появление комаров: об этом начало диалога Карла со своим отцом Вильгельмом, помещенного в раздел о птицах. Обсуждая появление ласточек и аистов, сын подтверждает свою догадку, что птицы не появляются до появления в округе пригодной для них еды (комары, лягушки). Отец глубокомысленно замечает, что птицы, питающиеся сохраняющейся круглый год пищей, не улетают, а другие улетают вслед за ней в более теплые края. Оканчивается диалог, как и многие другие и как потом будет заканчивать свои рассказы Ушинский, темой о Боге и его великой и мудрой заботе о птицах, всех животных, и о людях с самого их рождения (появлению человека уже предшествует появление для него молока, объясняет ребенку отец).

После птиц идет рассказ о водоплавающих, рыбах, насекомых. Раздел о животных завершается образцом письма и двумя диалогами. Письмо адресовано Карлу и написано его другом Вильгельмом: «Сегодня я хочу рассказать, что я узнал от своего любимого учителя. Он так рассказал нам о муравьях и пчелах: “Муравьи маленькие животные, но очень трудолюбивые. Там, где они хотят устроить муравейник (букв. «гнездо»), они сообща выбирают и утааскивают землю, собирают травинки, соломки, деревяшечки и другие малые предметы. В таком домике хранят они припасы и свои яйца. Когда они чего-либо опасаются по отношению к яйцам или молодняку, они быстро их уносят или, когда опасность не столь велика, храбро защищаются от нее. Когда становится холодно, они цепенеют и засыпают на всю зиму. Их яйца для соловьев приятное и полезное лакомство. Теперь я расскажу вам о пчелах. Они очень полезные, дают людям мед и воск...” К рассказу о пчелах мой учитель присовокупил две притчи из Библии (Притч. 30:25, Сир. 11:3). Поскорей ответь мне на мое письмо, любезный Карл, и поведай, понравилось ли оно тебе. Прощай! Твой друг Вильгельм» [1. С. 60–62]. Образ пчел использовался гораздо чаще и более развернуто (в двухстраничном письме им отведено полторы страницы, и всего половина — муравьям), но и муравьи занимали в литературном каноне не такое уж незвучное место. Ассоциируются ли у автора муравьи с крестьянами, а пчелы — с городскими жителями, пока сказать трудно, хотя такая ассоциация если не напрашивается, то возникает.

На 63-й странице двухсотсорок-надцатистраничного учебника карманного формата впервые возникает тема школы. В это время многие немецкие авторы уже понимали, что не стоит рассказы о школе располагать перед детьми первыми текстами учебника, хотя школа, конечно, — это место, «где можно учиться и научиться многому хорошему от Бога и его мудро обустроенных творений» [1. S. 63]. Братья-герои рассказа, однако, не все понимают в школе, поэтому теперь за ужином объясняют друг другу непонятное, что и составляет у Людвигу сюжетную основу нарратива. Предмет их беседы — насекомые, гусеницы, раки да омары. Заключительный диалог третьего раздела о животных происходит между другими двумя братьями и их отцом. Ранним утром в саду они беседуют на тему, что такое дождевой и другие черви, полезные и наоборот, а также улитки и моллюски. Разговор опять завершается тезисом о величии Бога, заселившего мир такой замечательной большой и малой живностью.

Основные темы для обсуждения в разделе о растениях — деревья, злаки, лен. Каждой из них посвящен отдельный диалог, причем диалоги становятся длиннее, располагаясь подчас на два урока чтения. В последнем из них — о льне — участниками впервые в рассматриваемом учебнике становятся мать и дочь. До этого все участники приведенных образцов разговоров принадлежат иному полу. Беседа о деревьях строится сначала вокруг яблони, ее роста, опыления пчелами, условий урожайности, во второй части идет знакомство с названиями самых разных пород, созданных Богом, вы-

ученных у школьного учителя отцом, ныне рассказывающим о них сыну. Второй диалог происходит между ними же, но уже по поводу злаков. Злаки обсуждаются самые разные, даже экзотическая кукуруза, привезенная из Америки. Средняя часть диалога посвящена хлебу, его поеданию три-четыре раза в день без того, чтобы он приелся, и благодарности Богу за наличие хлеба. Последняя часть проходит в рассуждениях о том, как с Божьей помощью выращивается зерно, из которого делают хлеб, что в этом выращивании идет от человека, что от природы. Заканчивается разговор вкратце темой торговли, ибо не все выращивают злаки и не все делают хлеб, но все его едят.

Две пары уже достаточно простран-ных писем между братьями Карлом и Хайнрихом рассказывают обучающемуся о других растениях и подводят его к следующему диалогу — о льне, диалогу, в котором, как мы уже сказали, мы впервые слышим женщин. Мария обсуждает тему изготовления ткани из льна со своей мамой. Работящая дочь просит дать ей что-нибудь пошить. Мать дает ей только что раскроенную рубашку и спрашивает, знает ли Мария, кто и из чего делает льняную ткань. Ткач делает из пряжи. А откуда пряжа? Ее делают на самопрялке. А из чего? Из льна. А он откуда? С полей. Далее разговор идет об обработке льна, получения пакли и ткани, о том, как можно в нее одеть тысячи людей. Дочь ссылается на отца, рассказавшего ей массу сведений о льне, с которым тот работает, и мать подтверждает, как он хорош, что столь многое дочери рассказал, и потому она уже многое веда-ет из

того, что делается вокруг. Завершается диалог опять размышлениями о благодати Бога, озаботившегося дать людям так много разнообразных вещей для работы и возможность постигать, сколь многими способами они могут с ними обращаться.

Раздел о «минералах» (куда включена вся неорганика, в том числе, скажем, виды почв, глины и т. п., не только горные породы) сразу начинается с диалога. Отец начинает экзаменовать сына Хайнриха на знание им различных почв, глин, камней и включает в тему камней многочисленные добавления, переходит затем к солям, селитре, пороку, затем к более специфическим квасцам, хлористому аммонiu, горькой соли (эпсомиту), мышьяку и пр. На 90-й странице учебника, в связи с разговором о мышьяке, приводится назидательная история о выброшенных как негодные пилюлях против мышей, насыщенных мышьяком, о поевших эти «конфетки» детях, из которых трое умерли, а четверо прочих долго болели. «Нельзя есть все, что найдешь и что выглядит съедобным» [1. S. 90]. Следующий диалог между отцом и сыном посвящен металлам. Во время разговора о серебре, золоте и драгоценных вещах отец наставляет сына не ценить золото и серебро выше того, что они стоят на земле: не их, но благоразумие и совесть уносит человек с собой на небеса [1. S. 95]. В связи с разговором о железе приводится рассказ о том, как портной пришел как-то к своему другу-кузнецу и ужаснулся условиям работы, а тот ответил, что ужасается тому, как портной сидит целый день скрючившись и продает иглу тысячу раз туда-сюда.

Шестой раздел снова возвращает нас к человеку, ко всем тем разнообразным вещам, которые Бог предоставил человеку в пользование: воздуху, воде, еде, одежде, жилищу, домашней утвари, средствам для обогрева и лекарствам. Половину раздела занимает письмо Карла брату Хайнриху с названием и временами кратким описанием того, что входит в вышеказанные классы предметов. Вторую часть раздела занимает беседа Умного и Честного, двух соседей. Честный заболел и хочет обратиться за помощью к знахарке, которая разберется «лучше и быстрее», как лечить, в отличие от докторов. «Говорят, что доктора делают людей еще более больными». Умный посредством сравнения доктора с сапожником, портным, пекарем убеждает Честного, что обращаться нужно к профессионалам, которые специально учились своему делу, «а не к старой женщине, которая не изучала искусство (Kunst) врачевания» [1. S. 105]. В итоге, Честный переубеждается и зовет умного доктора. Оптимистический финал приводит ученика к седьмому разделу, как раз связанному с вниманием и размышлением.

Как мы уже упоминали, в этом разделе три части — «суждение» (Urtheile), «вывод» (Schlüsse), «сравнение и различие» (Vergleichen und Unterscheiden). В первой части после определения сути суждения или решения того или иного вопроса дается страница примеров: «Зимой холоднее, чем летом. Лошадь и корова полезные животные. Сквозь стекло, воду, воздух можно смотреть. Воды гораздо больше, чем вина. Некоторые профессионалы знают больше, чем дру-

гие. У человека преимущества перед всеми другими созданиями на земле. Здоровье приносит больше радости, чем болезнь. ... Дети не столь умны, нежели взрослые. Кто делает плохое, с тем плохое и случается. ... Плохие книги портят наше сердце и наш разум. ... Европа больше, чем Германия, а та больше Верхней Саксонии и т. д. Берлин прекрасный, большой, многолюдный город. ... Несомненно, все мы должны когда-нибудь умереть. Молниеотвод весьма полезен» [1. S. 108—109]. Под конец главки о суждениях приводится и пример неверного суждения: не следует искать защиты ни от ветра, ни от дождя, ни от снега, ни от града, ни от стужи, ни от огня, ни от бедности в старости.

Умозаключения, или выводы, есть получение третьего верного суждения на основании двух, — заявляет Самюэль Людвиг. Например, железо твердо, все наковальни делаются из железа, значит, все они твердые; или: все духи бессмертны, моя душа — дух, значит, моя душа бессмертна. Ушинский выведет упражнения в рассуждениях в последний раздел своего учебника, посвятив его логике. Выводы Людвига уже менее пестры, чем суждения. Говорится о воле Божьей; о благах, Им посылаемых; о том, что любовь к Богу наивысшая, ибо он наибольший Благодетель; что не бывает человека безошибающего; о вреде грехов обжорства и опьянения; о необходимости любить евреев, как и всех других людей (*“Wir müssen alle Menschen lieben; die Juden sind Menschen: also müssen wir auch die Juden lieben”* [1. S. 110]). Заканчивается главка длинным рас-

суждением о прямой связи совершенства, добродетели и Бога.

Сопоставление для автора есть нахождение общего, близкого, существенно аналогичного. Различение — наоборот. Нет полностью одинаковых вещей, но, скажем, и человек, и собака творения Божьи, им требуется еда, их видно, у них есть тела, они могут двигаться, у них по пять органов чувств, у них есть внутренности, голос, головы, языки, зубы, глаза, уши, они смертны, и т. д. Однако у человека две руки, у собаки их нет. У человека есть разумная душа, у собаки нет. Человек может читать, и притом много полезного, собака нет. Человек может думать о Боге, стоять прямо, собака нет... и т. д. В итоге главки дают пары предметов для возможных сопоставлений подобного же рода. В «Детском Мире» Ушинский применит такой же прием и на сходных примерах.

Особенно интересен в плане рассмотрения немецкой традиции учебных книг для чтения раздел, помещенный в данном учебнике восьмым: «Полезные рассказы». Среди 25 текстов этого раздела диалоги, рассказы, стихотворения. Показательны уже названия. Названия прозаических рассказов по преимуществу открыто дидактичны: «Хороший ученик. Опрятный ребенок. Маленькая глухня. Вор. Избалованный. Прилежная служанка. Услужливость. Скупость. Хороший домохозяин. Плохие работники. Утонувший Георг. Прогулка. Полезный человек крестьянин». К ним примыкает монолог «Краткость богатства человеческого». Диалоги и стихотворения имеют, скорее, просто назывные заголовки, которые, правда,

иногда дополняются разъяснениями или оценками, как в случае с рассказами: «Беседа учителя со школьниками о долге детей любить, почитать, слушаться своих родителей. Благотельный ребенок. Прекраснейший поступок». Иногда совсем не дополняются: «Суеверие. Ребенок с ножницами. Разговор. Бедный моряк. Довольство. Завещание. Молитва за столом».

В этом случае основным выступает эмоциональное последствие по прочтении таких текстов, большинство из которых именно в процесс прочтения стремились задеть читателя за живое и потому не предполагали предварительной настроенности его с помощью заглавия. После некоторых «полезных рассказов» стоят отсылки на библейские книги с текстами, аналогичными либо символическими в отношении к ним. Восьмой раздел занимает 50 страниц — он самый обширный из всех. Даются образы детей и взрослых, модели взаимоотношений их с Богом, друг с другом, взрослых и детей между собой. «Быть чистым легко», — можем мы словами героя одного из текстов сформулировать общий посыл данного раздела. Дети почитают родителей, ходят в школу и аккуратно учатся, помогают старшим, успешно назидают неопятных и прочих собратьев, благоговейно почитают и любят Бога, отучаются врать, красть. Автор обращает внимание юных читателей на то, что родители о них заботятся, хлопочут, тратят на них деньги ради того, чтобы дети выросли «полезными, хорошими и радостными людьми» [1. S. 119].

Ссылкой на Послание к Ефесиям (6:1–3) обосновывается для учащихся

ся принцип следования во всем хорошему за своими родителями. Дети в «Диалоге учителя с учениками о долге детей...» не останавливаются на отсылке наставника к Библии, но продолжают докапываться до ее моральных смыслов, задавая вопросы буквально к каждому слову Писания и их интерпретации. В итоге, наставник говорит, что родителей нужно слушаться потому, что они в отношении к дитяти подобны Господу и благодетелям. Провозглашается в качестве идеала послушная и тихая (*ruhig*) жизнь. Непослушным детям и взрослым Бог не обещает ничего хорошего [1. S. 121]. Обсуждается необходимость повиноваться не только отцу, но и матери, а также уважать и любить бабушку, несмотря на ее преклонный возраст и связанные с ним проблемы: она скоро будет у Бога и попросит у него благополучия для хороших внуков. Итог разговора о следовании воле родителей, их почитания и содержания в старости завершается ссылкой на Экклезиастик (Сир. 7:29): «Почитай всем сердцем отца твоего и не забывай, как трудно было твоей матери привести тебя в этот мир». Избалованный родителями, потребительски относящийся к ним ребенок, мало посещавший школу и потому не научившийся ценить ростки будущего в настоящем, получит скверную судьбу, быстро умрет в бедности и нищете, как только его родители покинут этот мир. В теме прилежности опять, вот уже третий раз (первый: разговор о льне, второй: врушка Софи, «маленькая лгунья», безудержно тайком попивавшая сладкий ликер, поплатившаяся за это на

посмешище окружающих) возникают персонажи «второго пола» (термин С. де Бовуар). Теперь это прилежная служанка, чья старательность, экономность, любовь к порядку, поддержка хозяина во всем привела ее к хорошему замужеству и благополучному дому и хозяйству. Рассказы «Избалованный» и «Прилежная служанка» выполнены в стиле популярных в то время в учебниках «рассказов о как бы случившемся»: автор излагает некую историю как быль, имеющую назидательный смысл. В рассказе «Услужливость» объединены две истории — о двух взрослых горожанах, сохранивших для приехавшего в город по делам крестьянина случайно оставленное им на улице по дороге к рынку колесо, и о ребенке, который исходя из аналогичных чувств, помог незнакомому в городе человеку обрести нужную ему улицу. И опять все завершается библейской ссылкой — в этот раз на Первое послание апостола Петра 4:10. Автор считает логичным в данном месте пособия перейти к теме скупости и жадности — вероятно, как противоположным открытой доброй услужливости по отношению даже к дальнему, не только ближнему. Скупой и жадный теряет даже то, что уже имеет, — сообщает рассказ «Жадность». Отец в разговоре с сыном называет принесенный сыном из школы рассказ о жадном псе, (не допустившем, чтобы другой в воде под мостом тоже имел кусок мяса, и потерявшем в результате свой), «полезной» историей. Этот прием позволяет обратить внимание читателя на название всего раздела и показать ему, что есть «полезные рассказы»,

почему они полезны и где их можно обрести (в школе).

Взрослый рассказывает ребенку, что и среди людей встречаются скряги, опять же приводя пример человека, который всю жизнь держал семью впроголодь и умер от воспаления желчи (вспомним «Суд над епископом» В. А. Жуковского во 2-й части «Детского Мира»). Хороший хозяин не скуп, но и не расточителен, работает и знает дело, привлекает к нему славных работников, не вмешивается в ссоры с соседями и обретает радостную старость. Работники бывают все же разные. Плохие не следят за домом, не поддерживают хозяйство, не вкладывают в него зарабатываемое, потому теряют его, рано умирают и обрекают свою семью побижаться [1. S. 131–132]. Дети же нередко лучше родителей, например, добродетельный сын оказывает помощь бедному старику единственным своим сокровищем — нательной геммой, в то время как его отец, обретший богатство милостью Божией, видит на прогулке с сыном все, что угодно («луг, поле, лес»), но не убогого старика [1. S. 132–133].

Людвиг задает ситуацию в стихотворении, где автор повествует о поведении отца и сына, оценивая его косвенно — по ходу наступления событий и без прямого обращения, а как бы комментируя про себя деяния обоих. Ушинский в подобной же ситуации обсуждения страданий неимущих, особенно зимой, предпочитает описание и прямое дидактическое обращение: «На старике нет теплого тулупа, лапти его худы, армяк весь в дырах; голос его дрожит от старости и холода, глаза слезятся, руки и ноги

трясутся. Нехорошо и мальчику, который ведет слепого старика: бедняга перескакивает с ноги на ногу,... сильный холод выжимает у него слезы из глаз. Пустите их обогреться, накормите и подайте им, что можете! Лучше отказаться от новой игрушки или каких-нибудь сладостей и подать милостыню бедняку» [8. Ч. 1. С. 9].

Мальчик русского автора призван поделиться избытками, мальчик немецкого изображен делившимся последним, что он имеет. Интересно само присутствие в нескольких местах учебника Людвиг темы прогулки как досуга для небедного человека вообще и, в частности, прогулки вместе с ним и его детей. Со времени Руссо не только образовательные путешествия, но и просто воспитательные прогулки на часть дня входят в спектр возможных видов педагогической деятельности. Жанр воспитательной прогулки с сыном тоже имел свою историю — в текстах, в мыслях, в практике.

Вполне в просвещенческой парадигме отдельную беседу С. Людвиг уделит теме суеверий. Франц беседует со своим соседом по имени Правильный (Richtig). Франц рассказывает либо спрашивает, а его собеседник развеивает суеверия своего соседа. Правильный убеждает Франца, что неожиданно и как бы ниоткуда появившаяся в его лавке кошка — это не превратившаяся в нее ворожея, ибо та бедна, а если бы могла превращаться, то сколько бы смогла утащить! Историю с мальчиком, обидевшим некую фрау и потому наказанным ею хромотой и параличом, Правильный объясняет естественными причинами, убеждая собеседника не считать ар-

гумент «люди говорят» доказательством. Вызывание духов умерших людей раскрывается Правильным как мошенничество. Боязливость и невежество порождают представления о привидениях. Правильный замечает, что реально, на самом деле их никто не видел, только принимали за них неясно проступавшие предметы либо вообще что-то, о чем было непонятно, что это. В красках описывает он встречу некоего Meister Feig вечером с трубочистом, от которого он в панике бежал прочь. Критикуются опасения ходить вечером через церковное кладбище. Правильный заявляет, что души лежащих там с нами, а тела в земле — все равно, что камни или куски дерева. Рассказы о привидениях атрибутируются детской культуре и природе, коей свойственна боязливость и переживание разницы дневного и ночного восприятия. В общем, во всех странных вещах есть для немецкого учителя посторонняя причина и объяснение.

Героями своих рассказов, диалогов, стихотворений Людвиг чаще всего делает взрослых или чуть более старших, нежели читатели, детей-подростков, обучающихся тому или иному ремеслу, ремесленных учеников. В переписке чаще всего выступают школьники, которые учатся в разных школах или по тем или иным причинам отсутствуют на занятиях, либо учатся в более младших классах. Их корреспонденты повествуют им о том, что сами узнали. Обмен информацией в письменной форме учит и чтению, и письму, и постижению изучаемых предметов и явлений. В редких случаях возникают совсем малые дети, нерадивые, неумелые, постигающие

мир пробами и ошибками, боязливые и нерешительные.

Текст № 15 под названием «Разговор» содержит беседу двух подростков о различных профессиях и обучении им. С характерным для конца XVIII столетия руссоистским оттенком автор рассуждает устами учеников жестянщика и пекаря об этих двух профессиях и о предоставленном их родителями обоим свободном выборе дела жизни. С. Людвиг говорит о необходимости будущему ученику изучать с помощью взрослых и самому все плюсы и минусы той или иной профессии, делать осознанный свободный выбор. В одной семье заходивший по дружбе в гости пекарь сумел увлечь мальчика своим делом. В другой — отец водил достигшего тринадцатилетия сына по многим мастерам, беседовал с ним дома о разных профессиях, пока тот сам не выбрал обучение у жестянщика, а «педагогически продвинутый» отец только лишь одобрил выбор сына. Однако смена профессии в течение жизни не рекомендуется. Автор пособия нацеливает свою аудиторию на тщательность подготовки к единственному выбору, потому что после него лучше всего прожить жизнь в рамках выбранной профессии [1. S. 142–146].

В размещенном вслед диалогу письме говорится о том, как учитель обсуждает с учениками список известных им профессий, они записывают его. После школы он с теми, кто на неделе был лучше всех, а таких школьников набралось шесть, обходит три мастерские: столяра, ткача, гончара. Карл сообщает в письме к брату, что все три мастера были приветливы,

много всего показали и рассказали, «что нам до того было совсем неизвестно» [1. S. 147]. Карл завлекает своего брата в гости тем, что обещает подробно рассказать обо всем, что он в этих мастерских узнал, не в письме, но при личной встрече. Повествование «Утонувший Георг» оказывается связанным не с нападением детям быть осторожными с водой, как мог бы предположить современный ученик, но с идеей показать профессию врача как весьма нужную. Подробно описан ряд процедур, предпринятых врачом ради возвращения к жизни вытасченного из воды Георга. «Профессии» крестьянина посвящен специальный рассказ, демонстрирующий идею уже в своем названии: «Полезный человек крестьянин». Довольство своей бедной жизнью и неприязнательность тем, что он зарабатывает с поля, делают его как бы господином в своем собственном дворце. Подчеркивается разнообразие видов его деятельности, здоровье и сила крестьянских детей. Разговор о крестьянине выводит на тему довольства жизнью и выпадающим в ней уделом. Рабочий люд, наемные поденщики на полях — и их жизнь и работы тоже очень нужны и востребованы в этом мире. У богатых и знатных больше обязанностей и расходов, больше проблем и переживаний «под конец финансового года», когда им по любому поводу приходится находить источники, из которых покрывать расходы на полагающиеся им по статусу дома, одежду, прислугу и т. п. Радость и счастье не связаны с властью и имуществом, учит пособие Людвиг. Наемная сельскохозяйственная работа всего лишь временная

и дает свободу после пары месяцев тяжелых трудов, а знать под своим бременем всегда несвободна. Мудрость Бога заключена в том, как человек рождается там и от того, где и от кого ему следовало родиться. «Каждое сословие (положение, состояние, статус; Stand) имеет и свой покой, и свою ношу (Last)», страдания коренятся в ворчании и недовольстве, в то время как истинной нужды нет, ибо каждому Бог посылает «и воду, и соль, и хлеб» [1. S. 159].

Подобная прикладная философская этика пронизывает все пособие С. Людвига. К. Д. Ушинский уходит от такой ориентации книги для чтения, приближает ее к более объемным немецким пособиям, называвшимся «*Realienbücher*» и служившим ориентации школьников в окружающем мире наподобие современного предмета с таким названием. Ушинский полагал, что чтение в младших классах гимназий и уездных училищ для своей «доступности и полезности» должно обязательно корреспондировать с другими изучавшимися предметами ради улучшения понимания и обучения тем и другим. «Реальное положительное знание» Ушинского не включало в себя такой обширный этический материал, как у Людвига. Ушинский аргументирует не включение этического блока не его устарелостью, а совсем иными причинами: «Вводить начинающих читателей в мир общественных отношений я нашёл также (вместе с рассказами по истории, о путешествиях и из детской жизни — ВБ, МТ) бесполезным и затруднительным: во-первых, потому, что этот мир вовсе не может служить

образцом безыскусственности и истины, а во-вторых, потому, что он есть произведение множества исторических и нравственных причин, объяснение которых часто недоступно, а иногда даже и вредно для ребенка. Здесь поневоле должно было бы допустить ложные толкования или дать место критике и отрицательному направлению. Отрицательное же направление всего несвойственное человеку в том возрасте, в котором все должно быть создаваемо, а разрушать нечего» [8. Ч. 1. С. IV—V].

Под «ложными толкованиями» автор имел в виду, по всей видимости, официальное социально-этическое учение, вполне в стилистике времени называя противоположное ему «отрицательным направлением». Считая неправильной прямую назидательность, Ушинский не уделяет место моральной дидактике, не выстраивает вокруг ребенка понятную ему систему этических принципов, отговариваясь невозможностью совместить его собственный способ мыслей с уже имевшимися во время подготовки пособия двумя противоположными дискурсами. Поэтому «Детский Мир» в русском варианте Ушинского не содержал прямого разговора с юным читателем об этике и морали, человечности, добавляющем образе жизни, отношении к ней, к своему в ней месту, возможным профессиям, их ценности, и т. д. Подобные вещи мы только косвенно обнаруживаем. Такие темы заявлены Ушинским неподходящими аудитории (десятилетние дети) и месту (школа).

Переходом от «Полезных рассказов» к «Библейским повествованиям» служит последний, 25-й текст первого

из этих двух разделов. Он о молитве за столом. Библейские повествования начинаются сотворением и изгнанием из Рая, продолжают историей о Каине и Авеле, Аврааме, Иосифе, Моисее, Иове, Товии, Иисусе. Затем идут обсуждения некоторых отвлеченных тем: приумножения дарованного Богом (Мф 25:14), любви к ближнему (Лк 10), исправления (Лк 15: 11–24), благодарности и неблагодарности. Последней темой библейского раздела поставлена тема Иисуса как друга детей (Jesus, als Kinderfreund. Matth. 18, 1–6; 19, 13–15). В отличие от «Детского Мира» Ушинского, где нет ни слова о статусе детей, их природе, качественном отличии в ту или иную, хорошую либо плохую сторону, от взрослых (правда, в предисловии, как мы видели, Ушинский замечает, что детям трудно понять мысли и образы о социальном устройстве и отношениях людей между собой, и не нужно их этими непростыми вещами нагружать, но отдельного тематического разговора о детском возрасте мы не встречаем), в пособии Людвиг провозглашается своеобразный гимн в прозе «неиспорченным детям», у которых есть «некая естественная любовь к истине» [1. S. 179].² Их послушание, податливость и гибкость, неподверженность еще, в отличие от взрослых, предрассудкам, суевериям, сомнениям позволяют им научиться полезным вещам. Людвиг полагает, что ребенок, например, далек от безрассудной гордыни своим рождением и рангом; без всякого презрения маленький принц играет с детьми

батраков. И Богу-Отцу, и Сыну дети нравятся за их Einfalt (простоту, наивность, скромность, простодушие), Unschuld (невинность), Aufrichtigkeit (искренность, откровенность, прямоту). Иисус, когда оказывался среди детей, весьма неторопливо отговаривал малолетних от их неправильных, ложных идей, мыслей, отучая их от озорства и дурных привычек. Расширяя слова Иисуса о детях, составитель пособия как бы бросает Его свет на всех взрослых (включая себя), которые либо заняты обучением и воспитанием детей, либо молят Христа о благословении детей, благополучном пребывании их с Иисусом.

Два следующих раздела, десятый и одиннадцатый, небольшие по объему, посвящены «добрым наставлениям (Lehren)» и «добрым пословицам (Sprichwörter)». Наставлений 24, это рифмованные двустопишия типа «Радующееся сердце и здоровая кровь лучше многих богатств и денег», «Истина говорится [Богом] всегда, а когда ей не следуют, то люди могут сильно обмануть, но не Бог», и т. п. Пословиц 41 — «Рука руку моет», «После дождя светит солнце», и т. п.

Предпоследний раздел посвящен деловым бумагам, их образцы даны письменным шрифтом для обучения разбирать письменный почерк и копирования. Завершает пособие раздел с образцами писем: сына родителям, одного ремесленных дел мастера другому, брата брату, кузена кузену, отца сыну, сына отцу, мастера-горожанина представителю знати как благодет-

² Л. И. Поливанов отмечал в своей критике «недетскость» «Детского Мира» [7. Ч. 1. Оуд. 3. С. 95].

телю, управляющего хозяину, друга другу. На этом пособие С. Людвига, применявшееся для обучения в 1790—1840-х гг., завершилось.

Мы видим явные следы знакомства Ушинского с пособиями такого типа, пример которого дает «Городской друг» Людвига. По крайней мере, с пособиями, наиболее полно презентовавшими первую его часть, связанную с «естественной историей» (*Naturgeschichte*, *Naturkunde*), а также с упражнениями в рассуждениях, сопоставлениях и т. п. «логике». Не всякое пособие, посвященное естественной истории, начинало разговор с человека. Были те, которые повествовали сначала о вселенной и земном шаре (слабый отголосок Шестоднева?), а затем переходили к различным его конкретным частям, сферам, потом к человеку, а от человека к проблемам здорового образа жизни и медицины. После общего

определения «природы» обрисовывали сначала неорганический мир (почвы и породы), потом мир растений, царство животных (зверей, птиц, рыб, насекомых, червей), после чего переходили к человеку, описывая как его тело, так и душу, под которой разумелись различные проявления от понимания, чувств, памяти до разума, сна, воли и «высших желаний/стремлений» [см.: 2].

Начало систематического чтения с темы «Человек» опиралось в версии Константина Дмитриевича официально на авторитетное мнение швейцарца Песталоцци³, полуофициально на ряд немецких и английских пособий, а неофициально на разработки своего предшественника по Гатчинскому сиротскому институту Е. О. Гугеля [3. С. 14—17, 89—139].⁴ Неизбежные отличия его восприятия предмета отразили как персональные особенности (в том числе историю

³ «Нам замечали, что напрасно мы начинаем описания с такого сложного организма как человек; но как ни сложен этот организм, а он знакомее и ближе детям всякого другого, и Песталоцци был совершенно прав, полагая в основание своих развивающих уроков знакомство с человеческим телом» [8. Ч. I. С. XVI]. Интересно, что Дистервег, на неоднозначное мнение которого о Песталоцци опирается Ушинский, переводя его в положительное, после темы о школьной обстановке (как и у Ушинского) и темы о геометрических формах «начатки естественной истории» начинает не с человека, как Ушинский (в первом издании — целый раздел, во втором — статья), но с домашних животных, а потом уже переходит к человеку [5. С. 130, 137—138]. Дистервег полагал верным принцип наглядности, выработанный через изучение человеческого тела и применимый ко всему начальному обучению. Однако он считал изучение человека не «главным предметом первоначального упражнения детей в воззрении, мышлении и разговоре», но «главным и единственным основанием всякого первоначального обучения». «Основание обучения» совсем необязательно должно изучаться первым. Скорее, где-то внутри общего учебного плана. Вероятно, поэтому тема человека среди тем «естественной истории» не первая у Дистервега. Ушинский в данном вопросе более следует Песталоцци, нежели корректровке его воззрений Дистервегом. Известно, что «занятия по предметным урокам И. Песталоцци» входили в программы повышения квалификации учителей начальной школы, осуществляемые в России во время учительских съездов (например, в 1871 году на съезде учителей Таврической губернии [4. С. 64]. Применялось пособие [6].

⁴ У Гугеля изложение о человеке дано в начале пособия, изложение о царстве животных начинается с млекопитающих.

личностного становления Ушинского как педагога), так и его реакцию на имевшийся к тому времени корпус пособий подобного же рода, как и его «Детский Мир». Непосредственным участником педагогического диалога и полилога, происходившего в кабинете автора-составителя учебника, которо-

му будет сопутствовать значительная известность и долгая судьба в истории отечественного образования, выступала, как мы увидели, немецкая педагогическая культура и ментальность, без педантизма прирученная к российской народности.

Список литературы

1. Ludwig, Samuel. Der Bürgerfreund, ein Lesebuch für Kinder in Bürger-schulen. B.-Stralsund: G.A. Lange, 1810. 214 S.

2. Zeheter, Matthäus. Kurzgefasstes Lehrbuch der Naturgeschichte. Sulzbach: J. Seidel, 1839. 268 S.

3. Гугель Е. О. Чтения для умственного развития малолетних детей и обогащений их познаниями. 5-е изд. — СПб. : Тип. Акад. наук, 1838. — 156 с.

4. Костылева Е. В. К вопросу о повышении квалификации педагогических кадров в Таврической губернии // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Экономика и управление». Т.25 (64). — 2012. — № 3. — С. 56—68.

5. Начатки детского школьного учения Адольфа Дистервега // Архив

К. Д. Ушинского. Т. 2. — М. : Изд-во АПН РСФСР, 1960. — С. 106—174.

6. Перевлесский П. М. Предметные уроки по мысли Песталоцци: Руководство для занятий в shk. и дома с детьми от 7 до 10 лет, изд. П. Перевлесским : Курс приготавливает к изуч. естеств. наук и родного яз. — СПб., 1862. XXXVIII, 401 с.

7. Учебно-воспитательная библиотека. Т. 1. Литература 1875 года. Ч. 1. — М. : Н. И. Мамонов, 1876. — 611 с.

8. Ушинский К. Д. Детский мир и хрестоматия. Книга для классного чтения, приспособленная к постепенным умственным упражнениям и наглядному знакомству с предметами природы. Изд. 2-е, испр. и доп., с 4-мя таблицами рисунков. В 2 ч. — СПб. : И. Огризко, 1861. — 562 с.